

У Сяююэ вместе со своим менеджером и несколькими другими стажерами протиснулся в лифт. Пятеро рослых парней мигом забили и без того тесную кабину. Со всех сторон полетели недовольные вздохи других пассажиров. Менеджер то и дело заискивающе извинялся перед ними, но стоило дверям открыться и ему выйти в коридор, как на лицо мгновенно набежала мрачная тень.

— Быстро возвращайтесь в общежитие, приведите себя в порядок и переоденьтесь во что-нибудь приличное, — скомандовал он. — После дневных прослушиваний нас ждет банкет.

Тон его не терпел возражений — это был приказ, а не дружеский совет. Остальные ребята даже пикнуть не посмели. У Сяююэ прекрасно понимал, что ради собственного блага лучше смолчать, но при упоминании банкета у него невольно дрогнули брови.

Придирчивый взгляд Брата Хуа тут же впился в его лицо.

— Ой, — ядовито процедил он, — неужели тебя что-то не устраивает?

У Сяююэ промолчал. Товарищи по агентству и не думали заступаться — на их лицах читалось лишь злорадное предвкушение чужого позора. Сяююэ давно привык к вечным придиркам. Сделав глубокий вдох, он тихо ответил:

— Нет.

Брат Хуа презрительно фыркнул. Он посмотрел на парня как на букашку, которую можно раздавить одним пальцем, и высокомерно отвернулся.

У Сяююэ до боли сжал кулаки, силой загоняя обиду поглубже в грудь. С первого дня, как руководство прикрепило к ним этого Брата Хуа, тот только и делал, что задирает нос. Он хвастался, будто его связи безграничны, опыт колоссален, а хватка — мертвая. Вот только время шло, а реальной работы они так и не видели. Единственное, чем они занимались — кочевали из одного ресторана в другой. Сегодня — ужин с инвесторами одной компании, завтра — выпивка с партнерами другой. Зажравшиеся толстосумы обоего пола не стеснялись в выражениях, а порой и вовсе распускали руки. Терпеть это было невыносимо, но за малейший протест следовал жестокий выговор. В такие моменты У Сяююэ чувствовал себя дешевым эскортником, которого мамочка тащит на панель.

И гордость, и мечты обесценились в один миг. Совсем не к этому он стремился, подписывая контракт. Но у Брата Хуа на любой случай имелась своя циничная житейская мудрость:

— Вы думаете, слава падает с неба? — поучал он. — Пирог один, а ртов в индустрии слишком много. Понимаете? Сверху вас давят маститые звезды, по бокам дышат в затылок ровесники — из нашего агентства, из конкурентов, да со всей страны! А снизу поджигает молодежь: вон, зумеры вовсю штурмуют чарты! Вы что, особенные? Актеры от бога? Можете гарантировать кассовые сборы или рейтинги? Да хрен там! Без протекции инвесторов ни один режиссер на

вас даже не взглянет.

После его слов У Сяююэ отчетливо почувствовал, как изменился настрой окружавших его стажеров. Он видел, как ломаются его товарищи. Кругом воцарилась подозрительность: каждый видел в соседе врага, плелись интриги, напоминавшие худшие сериалы про гаремные заговоры. Это изматывало куда сильнее, чем соперничество на «Голосе Вселенной». И всё же деваться было некуда. Им ещё повезло попасть в такое солидное агентство, как кинокомпания «Четыре Моря», да ещё и под крыло работающего менеджера. Какими бы унижительными ни были эти посиделки, они гарантировали хоть какой-то доход. Тысячи парней и девушек мечтают оказаться на их месте, но не могут преодолеть даже порог прослушивания. Стоит кому-то дать слабину — и его место мгновенно займет следующий в очереди. Чем глубже Сяююэ погружался в изнанку шоу-бизнеса, тем беспросветнее казалось будущее. На этой безжалостной, хоть и бескровной, гладиаторской арене он растерял былую наивность. Мечты о собственном альбоме теперь казались детской глупостью. Получить бы хоть крохотную, неприметную роль в каком-нибудь проходном сериале — и то за счастье.

Брат Хуа бросил взгляд на улицу, где у входа в здание суеилось непривычно много репортеров, и недоуменно цыкнул:

— И что за переполох тут сегодня?

У Сяююэ и остальные новички смотрели на толпу прессы с завистью. Каждый из них втайне грезил о дне, когда его начнут преследовать эти назойливые, точно мухи, папарацци. Но у самого выхода на них никто даже не взглянул, несмотря на целую толпу симпатичных парней. Всё внимание репортеров мгновенно переключилось на представительские автомобили, затормозившие на площади. Журналисты зашевелились, будто гончие, почуявшие след.

— А ну-ка, разойдись, постороннись! — закричали подросшие охранники, спешно выставляя ограждения и оттесняя группу У Сяююэ с главной дорожки.

Брат Хуа, столь деспотичный со своими подопечными, перед грозной охраной робел и не смел пикнуть. У Сяююэ мысленно усмехнулся этому жалкому зрелищу, но додумать не успел — в толпе репортеров вдруг поднялся невообразимый гвалт.

— Это Юань Шан! Точно он!

— Юань Шан?!

Сердце У Сяююэ пропустило удар. Он порывисто обернулся. Из дверей подъехавшего представительского минивэна в сопровождении плечистых телохранителей в строгих костюмах вышел человек, чье лицо он знал до последней черточки.

Журналисты облепили машину плотным кольцом. Вспышки камер слились в непрерывное ослепительное сияние, затрещали затворы. Оказавшись в эпицентре этого безумия, Юань Шан

не выказал ни капли смущения. Напротив, он спокойно улыбнулся, небрежным жестом поправил лацканы пиджака, излучая абсолютную уверенность и лоск.

Сяююэ заворуженно смотрел на него, не в силах разобраться в мешанине собственных чувств. Когда-то, когда он неосторожно проговорился Юань Шану о кастинге в молодежный сериал, продюсер У Биньцин пришел в неописуемую ярость. Тогда сквозь его брань просочились слухи, будто Юань Шан перешел дорогу какому-то влиятельному человеку и его карьера обречена. Сяююэ никогда не считал себя близким другом Юань Шана, но в тот момент искренне за него переживал. Позже У Биньцин установил за ним тотальный контроль, навалились бесконечные репетиции, и связь оборвалась. А потом закрутилась карусель событий: Юань Шан внезапно покинул проект, У Биньцина с позором уволили, победителем шоу стал Цзян Се, который тут же подписал контракт с другим агентством... Пути разошлись. Кто бы мог подумать, что судьба сведет их снова именно здесь и при таких обстоятельствах.

Юань Шан разительно переменился — от прежнего неуверенного конкурсанта не осталось и следа. Брат Хуа рядом завистливо присвистнул:

— Надо же, без году неделя в бизнесе... Этому Сунь Ханцину чертовски везет на самородков! Кого ни возьмет — сразу в дамки. Если бы вы, олухи, шевелились так же, как этот Юань Шан, мне бы не приходилось сутками пахать ради копеек.

Журналисты хлынули вперед, оттесняя зевак. Юань Шан прошел совсем близко от группы стажеров. У Сяююэ провожал его взглядом, пока Брат Хуа бесцеремонно не дернул его за рукав:

— Чего застыл? Время поджигает! Бегом переодеваться!

Резкий окрик вырвал его из плена пустых мечтаний. Сяююэ тряхнул головой, избавляясь от наваждения, и его губы тронула горькая, самокритичная усмешка.

Разворачиваясь, он краем глаза уловил, как Юань Шан скользнул по нему мимолетным взглядом. У Сяююэ лишь покачал головой.

«Показалось, конечно же».

Такая же непокорная копна выбеленных волос, как и раньше. Заметив знакомый силуэт в толпе у входа в агентство, Юань Шан не мог выбросить его из головы по дороге домой. Он повернулся к Сунь Ханцину:

— Слушай, когда я участвовал в шоу, со мной выступал парень по имени У Сяююэ. Он ведь тоже подписал контракт с нашей компанией, верно?

— У Сяююэ? — Сунь Цинхань на секунду задумался, а затем нахмурился: — Ты про «Голос Вселенной»? Да из участников того сезона на слуху остались только ты да победитель, Цзян Се. Насколько я знаю, Цзян Се ушел в кинокомпанию «Минчэн» и даже выпустил сингл в коллаборации с Жэнь Пиншэном. Правда, твоя «Погоня» размазала этот трек по чартам так, что о нем никто и не вспомнил. А этот твой У Сяююэ...

Помощник Му, сидевший на переднем пассажирском сиденье, обернулся:

— У Сяююэ? Да, пару недель назад дочернее подразделение присылало списки новых артистов, там фигурировало это имя. Его определили в группу «Б» к одному из тамошних менеджеров. Господин Юань, почему вы им заинтересовались?

Задавая этот вопрос, Му лукавил — он прекрасно помнил предысторию отношений двух бывших соперников. В свое время он досконально изучил все грязное белье Юань Шана. Слухи о натянутых отношениях между ним и У Сяююэ, выступавшими в одной группе, в прессе расписывали сочными мазками, и дыма без огня явно не было. И вот теперь один взлетел на вершину, а второй прозябает на дне. Вполне естественно, что триумфатор захочет припомнить старые обиды. Помощник Му не видел в этом ничего зазорного — обычное человеческое тщеславие.

Юань Шан же вспомнил, как У Сяююэ грубо оттеснили у входа в здание, и на душе у него потеплело от тихой грусти. Да, тот мальчишка был остер на язык и колюч, но во времена «Голоса Вселенной» именно он оказался единственным, кто протянул Юань Шану руку помощи. К тому же, несмотря на юный возраст, У Сяююэ обладал тонким, зрелым музыкальным чутьем. По мнению Юань Шана, парню не хватало лишь навыков композитора, в остальном же он ничуть не уступал победителю шоу, Цзян Се. Яркая внешность, несомненный талант — родись он на пару десятилетий раньше, его бы обязательно заметили мэтры эстрады и сделали звездой. Но в наши дни столь многообещающий самородок рисковал навсегда остаться неограненным алмазом, похороненным под рутиной шоу-бизнеса.

Юань Шан приоткрыл окно, впуская в салон прохладный уличный воздух. Наблюдая за проносящимися мимо деревьями, он погрузился в размышления. Когда-то китайская эстрада была благодатным краем, рождавшим хиты, которые пела вся страна. В его прошлой жизни, когда он только начинал карьеру, каждый его соперник на сцене был невероятно одаренным артистом. А что теперь? Много ли современных песен переживут хотя бы пару сезонов? И разве в исполнителях дело? Конечно нет.

Индустрия стала пустой и суетливой, а вкусы публики неуклонно падали. Популярность теперь ковалась исключительно за счет агрессивного маркетинга. Как грибы после дождя росли высокобюджетные пустышки, которые, вопреки здравому смыслу, приносили создателям колоссальные доходы. Зачем вкладываться в качество, если дешевая штамповка окупается за три месяца, тогда как серьезный проект потребует трех лет кропотливого труда? Торговля красивыми лицами и фан-сервис приносили шальные деньги гораздо быстрее. Истинные музыканты, лишенные рекламных бюджетов, едва сводили концы с концами и в конце концов сдавались, прогибаясь под законы рынка. И не было в этом искусстве трагедии горше.

Юань Шан прекрасно понимал: пытаться переломить эту систему в одиночку прямо сейчас — всё равно что бороться с ветряными мельницами. Он молча вздохнул и обратился к менеджеру:

— Слушай, для трека из нашего нового альбома мы ведь планировали снимать клип и искали второго исполнителя? Давай не будем никого нанимать со стороны. Свяжись с агентом У Сяюэ. Пусть поработает со мной.

Сунь Ханцин изумленно округлил глаза:

— С чего вдруг?!

Помощник Му, уже мысленно нарисовавший картину того, как Юань Шан будет издеваться над несчастным новичком, ошарашенно застыл. Его взгляд приковало улыбающееся лицо артиста в зеркале заднего вида. Грядущий альбом, создаваемый совместно группой компаний «Четыре Моря» и Пластинками Цзюфэн, задумывался как их главный прорыв на международную сцену. И пригласить в ключевой клип вчерашнего соперника?..

Юань Шан лишь усмехнулся и дружески хлопнул менеджера по плечу:

— На «Голосе Вселенной» он мне очень помог. Я долги возвращаю.

Помощник Му невольно проникся к нему глубоким уважением. Когда автомобиль припарковался у элитного жилого комплекса, они проехали мимо представительного черного седана, который охрана вежливо, но настойчиво просила уехать. Заметив интерес Юань Шана, Му поспешил пояснить:

— Это машина Генерального директора Чжоу.

— Господина Чжоу? — Юань Шан на миг нахмурился, прежде чем сообразить. — Чжоу Чжаньсяо? Что он тут забыл?

— Пытается встретиться с вами. Приезжает уже не в первый раз, но у председателя Циня охрана вышколенная — близко к подъезду не подпускают, — Му с готовностью выложил порцию свежих сплетен. — Он даже собирался лететь за вами в Штаты. Благо, Председатель Цинь проявил дальновидность и вовремя подсуетился, чтобы его загранпаспорт временно «затерялся» в ведомствах. Иначе за границей отбиваться от него было бы куда сложнее.

Юань Шан почувствовал, как к горлу подступает стон.

«Чжоу Чжаньсяо совсем рассудком повредился? К чему это маниакальное упорство?»

Он как раз планировал накопить достаточно денег, чтобы купить собственное жилье и съехать

от Цинь Хо, но присутствие столь ненадежного фактора ставило под удар любой намек на спокойную жизнь.

Но стоило распахнуть дверь квартиры, как густой, умопомрачительный аромат свежесваренной ухи из карасей мгновенно выветрил из головы все тревожные мысли. Пусть соседство с Цинь Хо и накладывало определенные неудобства, забота двух радужных экономок с поварским талантом уровня мишленовских ресторанов с лихвой это компенсировала. Едва завидев Юань Шана, тётушка Ю всплеснула руками и бросилась к нему, ощупывая и сокрушаясь о том, как сильно он исхудал в поездке. Тепло обняв женщин, Юань Шан поднял глаза и заметил Цинь Хо — тот сидел за обеденным столом с совершенно непроницаемым видом.

Юань Шан замер на пороге.

«С чего бы это он не в духе?»

Решив не нарываться на неприятности, он вежливо поздоровался и поспешил принять из рук тётушки Сунь пиалу с обжигающим ароматным супом. Первый же глоток вернул ему жизненные силы, смывая накопившуюся за последние недели усталость.

Юань Шан умел и любил говорить приятные вещи. Всего парой фраз он заставил обеих женщин расплыться в блаженных улыбках. Обыкновенно холодный и строгий дом мгновенно наполнился теплым светом и живым смехом, словно даже холодные неоновые вывески за окном начали согревать комнату. Цинь Хо, наблюдавший за ними из своего угла, неожиданно поймал себя на чувстве причастности к этому простому домашнему уюту. Когда тётушка Сунь с непрекращающейся улыбкой налила ему добавки, он невольно ощутил, как отступает вечное внутреннее напряжение.

Оказывается, он вовсе не был неисправимым нелюдимо. Просто очень давно, еще до гибели родителей, его собственный дом был точно так же полон жизни и звонкого смеха.

Напряжение последних дней наконец нашло выход, и навалилась свинцовая усталость. Цинь Хо, годами страдавший от бессонницы, вдруг почувствовал, как слипаются глаза без всяких снотворных. Его невольный зевот тут же перехватила тётушка Ю. Увлечшись опекой над Юань Шаном, она осмелела настолько, что повернулась к хозяину дома и ласково пожурла его:

— Председатель Цинь, уж простите старуху, но всех денег мира не заработаешь. Вы же молоды, ни в чем не нуждаетесь, зачем так надрываться? Посмотрите на себя — глаза красные, как у кролика. Я пойду наберу вам горячую ванну. Полежите, согреетесь — и марш в постель, спать без задних ног! И чтоб никаких компьютеров сегодня!

После чего она шутливо погрозила пальцем Юань Шану и легонько ущипнула его за щеку:

— И тебя это касается! Примешь ванну — и сразу спать. Такое милое личико, а из-за этих синяков под глазами ни одна приличная девушка на тебя не посмотрит!

Юань Шан лишь послушно улыбался, позволяя тискать себя, отчего тётушка Ю окончательно растаяла. Цинь Хо же пребывал в легком ступоре. Лишь оказавшись перед дверью ванной комнаты, он осознал немыслимое: его только что отчитала собственная прислуга?

Горячая вода приятно обжигала кожу, заставляя выступить испарину. В груди Цинь Хо шевельнулось странное, щемящее чувство — теплое, немного горьковатое и совершенно новое для него.

Это ощущение умиротворения не растаяло даже наутро, когда в окна заглянуло мягкое солнце. Цинь Хо лежал в постели, чувствуя себя невероятно отдохнувшим — полноценный глубокий сон подарил ему колоссальный заряд бодрости. Каждая клеточка тела словно напиталась чистым кислородом. Он щелкнул выключателем бра. На противоположной стене висел точно такой же семейный портрет, как и в его рабочем кабинете.

Отец и мать обнимали его, маленького, а их улыбки согревали, точно лучи весеннего солнца.

Раздвинув тяжелые портьеры, он замер перед панорамным окном. Проспекты внизу уже заполнились потоками машин, вдали высились шпили небоскребов и зеленели парки. Косяк перелетных птиц величаво проплывал над крышами, стремясь к югу. Весь этот огромный, живой город лежал у его ног.

Юань Шан...

Цинь Хо невольно улыбнулся кончиками губ. Этот юноша действительно обладал удивительным даром — вносить гармонию и возвращать вкус к жизни одним лишь своим присутствием.

Вчерашний банкет предсказуемо закончился тяжелейшим похмельем. Проснувшись ближе к полудню, У Сяюэ почувствовал, что голова буквально раскалывается. Держась за стены, он поплелся на кухню в поисках воды, но споткнулся о журнальный столик и больно растянулся на полу. Вспышка боли немного прояснила затуманенный алкоголем разум.

Приподнявшись, он увидел Брата Хуа. Тот сидел на диване и сверлил его злобным взглядом. Остальные ребята из общежития, с которыми Сяюэ поддерживал хоть какое-то подобие дружбы, жались по углам с виноватыми минами. Наконец один из них, оценив обстановку, нерешительно подал голос:

— Сяюэ, ну нельзя же так... Неужели трудно было потерпеть? Этот Директор Ван вчера так взбесился, всех за столом подставил. Сходил бы ты к нему, извинился. Брат Хуа из-за тебя теперь в таком дерьме оказался.

Глядя на эти трусливые, укоряющие физиономии, У Сяююэ почувствовал, как внутри него закипает бешеная ярость. Терпеть это больше не было сил.

— Извиняться?! — заорал он, вскакивая на ноги. — Да пошли вы все на хрен! Этот жирный ублюдок вчера мне чуть штаны не спустил прямо при всех! Вы, суки, стояли и лыбились, а теперь мне же нотации читаете? Совсем совесть растеряли, твари?!

Парни испуганно притихли. Предыдущий оратор торопливо отвел взгляд, не смея перечить. Лишь Брат Хуа остался невозмутим. Он медленно поднялся с дивана и ледяным тоном произнес:

— Если ты такой чистоплюй, то какого хера вообще забыл в шоу-бизнесе?

Несмотря на свой тщедушный вид, менеджер навис над ними удушающей грозовой тучей, перекрывая тусклый свет из окна.

— Гордость у него, поглядите-ка! — выплюнул он. — С такой гордостью здесь только лапу сосать! Я, блядь, сутками расшибаюсь в лепешку, выбивая для вас контракты, а ты мне так платишь? Обливаешь спонсора вином и кроешь матом? Ты у нас, оказывается, неприкасаемый, У Сяююэ? Самый умный?! Да ты хоть представляешь, сколько у Директора Вана бабла? Знаешь, сколько проектов он финансирует? Да если он полез к тебе в штаны, это значит, блядь, что он обратил на тебя внимание! В этой индустрии сотни смазливых мальчиков мечтают раздвинуть перед ним ноги, лишь бы получить роль!

У Сяююэ так и сидел на холодном линолеуме. Ноги онемели, и он не находил в себе сил подняться. Брат Хуа неторопливо подошел вплотную и уставился на него сверху вниз:

— Кем ты себя возомнил, ничтожество? Цену себе набиваешь перед инвесторами? Да я в этом болоте больше десяти лет кручусь, и мне до сих пор приходится заглядывать им в рот и вилять хвостом! Короче, выбор у тебя простой. Либо ты сегодня же звонишь Директору Вану, умоляешь о встрече и на коленях просишь прощения. Либо проваливай на все четыре стороны. Тратить на тебя дефицитные ресурсы я больше не намерен. Мой доход слишком мал для такого благочестивого праведника.

В кармане менеджера настойчиво зазвонил телефон. Одарив напоследок У Сяююэ презрительным взглядом, Брат Хуа вышел в коридор. Коллеги по агентству тут же отвернулись, стараясь не смотреть на Сяююэ, словно тот был заразным покойником. Последние иллюзии о творчестве рассыпались в прах. Он ведь просто хотел петь. Почему этот путь оказался таким грязным?

Продавать тело ради сомнительной славы было выше его сил. У Сяююэ предпочел бы до конца дней оставаться безвестным нищим, но сохранить чистую совесть. Едва решение уйти окончательно созрело в его голове, на душу снизошло невероятное облегчение. Он с трудом поднялся на ноги и направился в спальню, собираясь сложить нехитрые пожитки в чемодан.

Но не успел он переступить порог гостиной, как из коридора донесся изумленный возглас Брата Хуа. Менеджер ворвался в комнату, дикими глазами разглядывая У Сяююэ. Выдержав долгую, гнетущую паузу, он выдал дрожащим голосом:

— Ты... почему ты молчал, что вы с Юань Шаном закадычные друзья?!

На лице Брата Хуа застыла нелепая гримаса — дикая смесь растерянности и заискивающей угодливости. У Сяююэ ошеломленно замер, не понимая, что происходит.

<http://bllate.org/book/20476/2167384>